

В.М. Генкин
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vgenkin@yandex.ru

УДК 81'373.232.4(476.5)

Родовые и гендерные особенности топонимии Витебщины

Ключевые слова: *топонимы, региональная топонимия, структурно-грамматический анализ, грамматический род, гендерный аспект.*

В статье анализируются структурно-грамматические и номинативные особенности топонимов Витебщины, определяются закономерности функционирования грамматической категории рода в разных типах географических названий. Выявляются гендерные особенности топонимов, восходящих к антропонимам и другим типам именования лиц, устанавливаются исторически мотивированные гендерные приоритеты.

V.M. Genkin
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: vgenkin@yandex.ru

Generic and gender features of the toponymy of Vitebsk region

Key words: *toponyms, regional toponymy, structural and grammatical analysis, grammatical gender, gender aspect.*

The article analyzes the structural-grammatical and nominative toponyms' features of Vitebsk region, determines the patterns of functioning of gender as the grammatical category in different types of geographical names. Toponyms' gender features dating back to anthroponyms and other types of persons' naming are identified and historically motivated gender priorities are established.

Исследовательская парадигма, характерная для современных гуманитарных наук, ориентирована в первую очередь на изучение роли языка и культуры, ментальных факторов в процессах познания, освоения и изменения человеком окружающего мира. Ономастика, будучи одним из концептуально важных разделов гуманитаристики, тоже все больше уходит от сугубо лингвистических принципов и методов исследования своего разнообразного материала в область, которую в широком смысле можно назвать лингвокультурологической. Признавая смену направления и методологии ономастических исследований естественным и неизбежным процессом, мы, тем не менее, должны не забывать, что ономастическую науку (и особенно топонимику) в ее современном виде сформировал как раз формантный подход, создавший фундамент для всех ее последующих достижений. При всей своей внешней «формальности» именно он позволил в дальнейшем более правильно этимологизировать географические названия, устанавливать их связи с другими разрядами онимов и делать выводы, которые мы можем отнести к области лингвокультурологических наблюдений.

Имеющийся опыт убеждает: какие бы цели и задачи ни ставил перед собой исследователь-ономаст, по-прежнему важным этапом изучения ономастикона, в частности региональной топонимии и ее отдельных разрядов, остается традиционный структурно-грамматический анализ, который не только позволяет формально установить соответствующие типы географических названий, но и представляет собой логически необходимую ступень к более полному пониманию системного характера изучаемой части имен собственных, а также номинативной логики, отраженной в них. Модель исследования «от формы к содержанию» однозначно способна обеспечить бóльшую строгость

и объективность как интерпретации ономастического материала, так и сделанных на основе его анализа выводов.

Среди грамматических категорий, актуальных для описания онимов, существенную информативную нагрузку несет на себе категория рода, которая применительно к основной массе одушевленных существительных (в ономастике это антропонимы) соотносима с признаками пола, т.е. априори является гендерно маркированной. Что касается неодушевленных существительных, к которым относится большинство других онимических пластов, и, в частности, интересующие нас топонимы, то для них это категория классифицирующего характера, которая очень сложно и далеко не всегда поддается логическому объяснению. Кроме того, часть топонимов характеризуется еще и колебаниями в грамматическом роде: *Беразіно – Бярэзань, Бягомль – Бегамля, Гомель – Гомля* (Полоцкий район); *Кацельна* (ср. род) – *Кацельна* (жен. род), *Лясная – Леснае* (Мёрский); *Новая Барсучына – Новае Барсучына* (Шумилинский), *Працоўнае – Працоўная* (Оршанский) и др.

Этимологически близкие топонимы также не ‘однородны’ в сугубо грамматическом смысле этого понятия. Сравним, например, названия деревень, прямо или опосредованно восходящие к антропониму *Ян* и, соответственно, так или иначе указывающие на отношение к лицу, носившему данное имя. Примеры, как видим ниже, имеют разные грамматические показатели, обусловленные, в основном, спецификой словообразовательного значения, выражаемого формантом: *Янавiчы, Янанiшкі, Янішкі, Янкiшкі, Янкавiчы, Янкi, Янукi, Янулі* (мн. число), *Янава, Янова, Яніна, Янкава, Януiлава* (ср. род), *Янавiль, Янаўшчына, Янкаўшчына, Янкоўшчына, Яноўшчына* (жен. род).

Сразу оговоримся: в топонимии, особенно в отдельных ее разрядах и подразрядах, обычно прослеживается номинативная логика, позволяющая говорить о предопределенности грамматических, в том числе родовых, особенностей названия. Грамматический род в большей степени зависит от характера денотата и, соответственно, типа топонима. Кроме того, свою роль здесь играет формант, в значении которого совмещены семантические и грамматические показатели. Логическое объяснение категории рода в топонимии чаще всего связано с характером детерминативов, то есть «слов, обозначающих определенную географическую реалию» [3, 47]. Для витебской топонимии наиболее актуальны географические термины, используемые для обозначения следующих типов объектов:

- различного вида и разной величины водоемов, которыми богат регион (*болото, колодец, озеро, река, ручей* и т.п.);
- самих поселений (*город, деревня, местечко, село, посёлок, хутор* и т.п.);
- земельных, лесных и иных участков, угодий (*гай, лес, поле, роццa* и др.);
- путей сообщения и переправ (*гaть, перевоз, переезд, разъезд* и т.п.).

Проиллюстрируем данное положение на конкретных группах примеров. Так, несубстратные названия рек, особенно небольших, почти регулярно имеют форму женского рода: *Абалянка, Бярозка, Друйка, Крывінка, Лужаснянка, Матiца, Пестніца, Свячанка, Ужніца, Халастоўка, Шэвінка* и т.д. Среди таких потамонимов много вторичных, оформленных соответствующими данному типу топонимов аффиксами названий (*-анка/-янка, -iнка, -iца, -оўка/-аўка* и др.). Обычно такие форманты присоединяются к основам ойконимов: р. *Друйка* ← г.п. *Друя* (Браславский район), р. *Лужаснянка* ← д. *Лужасна* в (Витебский), р. *Крывінка* ← д. *Крывіна*, р. *Свячанка* ← аг. *Свяча* (Бешенковичский) и т.д. Все немногочисленные названия адъективного типа также указывают на согласование с термином-определителем по женскому роду, например, реки *Белая, Крывая, Сiняя*. Нужно отметить, что и в группе гидронимов, используемых для именованя крупных или относительно крупных рек и имеющих, как правило, более древнее происхождение, тоже преобладает форма женского рода: *Вiцьба, Дзвіна, Дзiсна, Друць, Лучоса, Палата, Шоша, Эсса* и др. Потамонимы в форме мужского рода составляют небольшой процент в числе названий рек региона, причем некоторые из них в разговорной речи имеют параллельные варианты женского рода: *Агнеш, Адроў (Адрова), Днепр, Сергуч, Сермеж, Язьмянок*.

В многочисленной и разнообразной витебской лимнонимии однозначно доминирует форма среднего рода, продиктованная родом детерминатива *озеро*. Именуемые такими формами озера расположены в разных частях Витебщины: *Асвейскае* (Верхнедвинский район), *Белае* (Браславский, Бешенковичский, Витебский, Глубокский, Полоцкий районы), *Богінскае* (Браславский), *Глыбокае* (Полоцкий), *Дабееўскае* (Шумилинский), *Доўгае* (Глубокский), *Ельна* (Браславский, Мёрский), *Лосвіда* (Витебский) и т.д. Форма среднего рода присуща как названиям, возникшим непосредственно в белорусском языке и имеющим нередко прозрачную структуру либо объяснимые на синхронном уровне деривативные отношения (оз. *Асвейскае* ← г.п. *Асвея* в Верхнедвинском районе, оз. *Богінскае* ← дер. *Богіна* в Браславском, оз. *Лукомльскае* ← дер. *Лукомль* в Чашникском, оз. *Наўліцкае* ← дер. *Наўліца* в Полоцком, оз. *Слабадское* ← дер. *Слабада* в Бешенковичском), так и более древним субстратным или заимствованным лимнонимам: *Абстэрна* (Мёрский район), *Лосвіда* (Городокский), *Струста* (Браславский) и др.

Переходя к характеристике грамматического рода ойконимов, сразу подчеркнем, что этот пласт географических названий в современном топонимиконе играет по ряду позиций ведущую роль, несмотря на ярко выраженную тенденцию к сокращению числа населенных пунктов. На момент создания словаря-справочника «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік» [2] на территории региона в его административных границах насчитывалось 6528 населенных пунктов. С точки зрения структуры, грамматических и словообразовательных особенностей их названия достаточно разнородны. В структурном отношении преобладают простые названия, на долю которых приходится 92,45%, вторая позиция принадлежит составным ойконимам (5,7%), на третьем месте – сложные названия (1,85%). Среди простых по структуре ойконимов выделяется группа названий в форме множественного числа (46,25%). Названия в форме единственного числа представлены преимущественно средним родом (30,55% от общего числа). Почти каждый пятый из простых ойконимов имеет форму женского рода (19,81%). Названия мужского рода составляют самую немногочисленную группу (3,41%).

Исследователи неоднократно отмечали: за формальными внешними показателями грамматического числа и рода нередко кроются куда более глубокие факторы, отражающие, помимо прочего, менталитет народа-номинатора. Так, доминирование форм множественного числа в белорусской ойконимии, по мнению ономастов, свидетельствует о коллективности сознания и мировосприятия как важном элементе белорусского менталитета. Участок земли и расположенный на нем населенный пункт через такие названия номинаторы связывают с определенным коллективом, а не ограничиваются указанием на отношение к одному-единственному лицу (владельцу, наследнику, основателю и т.д.). Хотя ойконимы в форме единственного числа, в том числе названия с посессивным значением, достаточно распространены, они не занимают ведущих позиций, как, например, в некоторых российских регионах. Доля ойконимов с формантами *-іна/-ына* и *-ова/-ава/-ева* (самые распространенные словообразовательные элементы в восточнославянской ойконимии) составляет менее примерно 21% от общего числа современных названий населенных пунктов Витебщины.

По-разному проявляет себя показатель грамматического рода в названиях городских и сельских поселений. В астионимии (если населенный пункт изначально строился как город, а не стал им в результате роста населения и иных изменений) преобладают примеры мужского рода: *Браслаў*, *Віцебск*, *Лепель*, *Полацк*. Как уже отмечалось выше, объясняется этой грамматикой детерминанта ‘город’.

В комонимии для именованья сел и местечек используются преимущественно лексеммы среднего рода (*Багародзіцкае*, *Вялікае Сяло*, *Глыбокае*, *Дворнае Сяло*, *Коханово*, *Спаскае* и др.), а для деревень (если не брать во внимание названия в форме множественного числа) – среднего (*Баршчоўка*, *Запалянка*, *Ляхаўка*, *Клябань*, *Опса*, *Укля* и т. д.) и женского (*Азёрная*, *Асінаўка*, *Баравая*, *Глінаўка*, *Глыбачка*, *Каменка* и многие другие). Естественно, что ойконимы, образованные путями онимизации апеллятивов или трансо-нимизации, сохраняют грамматические признаки мотивирующих слов:

– *Балота (Вялікае Балота), Барок, Бор, Буда, Гара, Гаць, Горка, Кардон, Мельніца, Рудня, Слабада* (ойконимы – онимизированные апеллятивы);

– *Белае, Вымна, Езярышча, Лосвіда, Паўазер’е, Струста, Шэвіна, Язна* (названия населенных пунктов, образованные безаффиксным способом на базе лимнонимов);

– *Бірвіта, Віцьба, Дзісна, Лонніца, Палата, Ула* (трансонимизированные потапонимы).

Предметом нашего внимания являются не только вопросы, связанные с категорией грамматического рода в региональной топонимии, но и проблемы отражения гендерного фактора в системе географических названий. Следует сразу подчеркнуть: в топонимии родовые различия сугубо грамматического характера сами по себе не могут служить каким бы то ни было показателем гендерных особенностей. Выявление гендерной составляющей возможно лишь при условии, что топоним явно или на имплицитном уровне несет в себе информацию о человеке. В современной региональной топонимии названия, содержащие в своей основе указание на определенное лицо или группу лиц, являются преобладающим лексико-семантическим типом топонимов. Исторические данные свидетельствуют: их основная масса формируется после XIV столетия, что объясняется развитием частного земледелия, активизацией процессов расселения и, как следствие, вовлечением в оборот большого числа земельных участков, их дроблением и появлением на них новых объектов, каждый из которых нуждается в отдельном именовании. Эта эпоха характеризуется особой номинативной продуктивностью и доминированием антропоцентричного подхода в процессе выбора имени для самых разных географических объектов. Абсолютное большинство топонимов, возникших в период начиная с указанного времени и по сей день, связано с человеком. В качестве производящих основ выступают, во-первых (преимущественно), антропонимы, во-вторых (реже), другие формы именованности лиц: этнонимы, названия людей по социальным, профессиональным и иным признакам.

Все топонимы, восходящие ко второму типу основ, указывают на отношение к формам номинации лиц мужского пола. Объяснить это можно двумя основными причинами: семантической и словообразовательной первичностью форм мужского рода именованности лиц и социальным положением женщины в эпоху активного формирования топонимов. В пользу того что топонимы были образованы от основ мужского рода говорят и их деривативные показатели: характер формантов, морфонологические и морфотактические особенности. Проиллюстрируем несколькими группами примеров:

– этнотопонимы: *Гудава Зямянская, Латыгава, Латышонкі, Латышы, Ляхавічы, Ляхі, Мазурава, Мазуры, Маскалёнка, Маскалёва, Палякі, Палячкі*, и др.;

– топонимы, образованные от названий лиц по профессии, роду занятий: *Бандары, Ганчарова, Дзегцяры, Жабенцяі, Кавалі, Кажамякі, Пісарава, Папоўшчына, Сакольнікі* и т.п. (в скобках отметим, что часть профессий, зафиксированных в этой группе географических названий, в принципе была не доступна женщинам);

– ойконимы, связанные с названиями лиц по сословным признакам, воинским званиям и т.п.: *Бандарцы, Баярова, Баярышчына, Баяры, Казаки, Казачкі, Казакова, Князёва, Князі, Маёраўшчына* и др.

Среди антропотопонимов также однозначно доминируют названия, в чьих основах зафиксированы мужские имена. Правда, здесь возможна определенная корреляция, связанная с наличием параллельных, схожих форм, относящихся как мужскому, так и к женскому именникам, но при выборе исходного варианта предпочтение, как показывает анализ, будет отдаваться мужскому антропониму.

На фоне вышесказанного наибольший интерес, как раритетные, представляют названия, восходящие непосредственно к женским именам. Их дифференциация тоже сопряжена с определенными трудностями и должна сопровождаться некоторыми оговорками. Практически не вызывает сомнений этимологизация следующих комонимов:

– *Альгова* (сегодня пригород Витебска), название связывается с женским именем *Ольга*; такую же точку зрения отражает и словарь В.А. Жучкевича [1, 268–269];

– *Сонькін Рог* (Ушачский район), притяжательное прилагательное в составе топонима однозначно говорит о его происхождении;

– *Мікіціха* (Шумилинский), благодаря антропонимному форманту *-іха*, который в другой функции в топонимии практически не используется, название увязывается с именем (прозвищем) женщины.

Некоторые сложные отантропонимные топонимы со вторым корнем, восходящим к апеллятиву *поле*, логически соотносятся с именами лиц женского пола, так как многие виды полевых работ были зоной ответственности женщины. На сегодня сохранилось три таких названия: *Брыгітполле* (Витебский район), *Ірынполле* (Лепельский), *Мар’ямпаль* (Городокский). Из них бесспорно только один увязывается с женским именем *Брыгіта*. Для двух других версия о происхождении от женских имен является предпочтительной, но не единственно возможной ввиду наличия мужских имён *Ірын* и *Мар’ян*. Согласно «Краткому топонимическому словарю», названия происходят от женских имен *Ірина* [1, 147] и *Марья* [1, 224].

Название деревни *Евіна* (Городокский район) В.А. Жучкевич увязывает с фамилией *Евін* [1, 115]; в таком случае можно говорить лишь об опосредованной связи топонима с женским именем *Ева*.

Литература

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1974. – 448 с.
2. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцогова; пад рэд. В.П. Лемцоговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 669 с.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.

М.В. Голомидова

Уральский федеральный университет
e-mail: golomidova-marin@mail.ru

С.О. Горяев

Уральский федеральный университет
e-mail: gorajev@yandex.ru

УДК 81.373.211.5

Актуализация культурной информации городских топонимов в контексте формирования локальной идентичности: опыт новых форматов топонимического просвещения

Ключевые слова: *городские топонимы, территориальная идентичность, культурная информация, городской топонимический ландшафт, топонимическое просвещение.*

В статье рассматриваются роль просветительской топонимической работы для формирования локальной идентичности. На примере просветительских практик в Екатеринбурге, раскрываются новые способы привлечения внимания к городскому топонимическому ландшафту и способы популяризации информации о городских топонимах. Освещается опыт модернизации традиционных просветительских форм при использовании топонимического материала в деятельности электронных СМИ и блогеров, экспертов-топонимистов и специалистов в области музейного и экскурсионного дела.